

Александра Бахчеван

ОБЛЕЧЕННЫЙ БЕСМЕРТИЕМ

"...цари сообразили, что он (Лисандр) господствует над всей Грецией с помощью тайных обществ, держа в своих руках города...Опять произошли перевороты...»

Плутарх

Добредя до вершины горы, Алкивиад оглянулся. Перед ним простирался город, словно в зеленом море утопающий в виноградниках, и освещенный огнями. Он прислушался к своему сердцу, в нем не было даже тревоги; ни жалости, ни любви. Он привык покидать внезапно завоеванные рубежи, одержанные риском, победы, и уходить непременно ночью, крадучись, в полном молчаньи... Спасая свою жизнь, уходить ...Как буд-то он был злодеем, а не наследником славного рода,

"законодателем мод и приличий", стратегом , облеченным властью.... Перечисляя в уме свои заслуги, Алкивиад разглядел в темноте у причала качающуюся на волнах лодку. Прежде, чем спуститься к берегу, он еще раз взглянул на город - чтобы запомнить, и ,сжимая в руке огромный узел, быстро спустился к морю.

Шагнув в лодку,он развернул узел и извлек из него черную понтийскую одежду и круглый биотийский щит. Свой старый щит, отгребя подальше от берега при тусклом свете луны, он некоторое время грустно разглядывал, а затем опустил в воду.

Качаясь, отдалялся поросший кустарниками берег, над лодкой нависла ущербная луна - желтая, тусклая... Этот диск - как дамоклов меч ,зависший над головой - навевал тоску и бессилье. Жаль, что не злобу, подумал Алкивиад, зябко кутаясь в плащ. Да, опять уходить. Но в чем-то он остался верен себе - в том, что явилось причиной его бесконечных изгнаний: этот блеск, слепящий глаза... Видимый блеск - наружный, отражение того, что скрыто в глубинах его души; то, что нельзя подделать ...Скрыть этот блеск невозможно, блеснуть - все равно, что дышать... Уходя потаенными тропами, он не расстался с привычками, наложившими отпечаток на его беспокойную жизнь. Его верная спутница - роскошь - его и теперь не покинула, предательски выдавая того, кому она служит: сливаясь с цветом волос, его лоб пересекал золотой обруч, в левом ухе блестела серьга, под тусклым светом луны переливались алмазы, украшавшие его руки.

И когда он шел по агоре, его расшитый золотом плащ, хоть и привлекал любопытные взгляды, но Алкивиад

его не сменил, желая в душе сдохнуть от любопытства всем, кто встречался ему на пути.

Странно, но он ощущал себя в безопасности. Словно, впереди вечность и Вселенная принимает в свои объятия и его, и лодку, и море ... Держась подальше от берега, он плыл за горизонт, оставляя обиды и сожаленья в шумном, солнечном городе, так щедро наполненном светом, что даже Алкивиад был там не нужен...

- Веселый получается разговор! - усмехнулась Тимандра, поднося к светильнику склянку, - этот яд надежней кинжала, но мне не хотелось бы верить в то, что все так плохо закончится. Не оставляй мне оружия, все - равно я им не владею.

- А это что за мешки? - Указал взглядом Алкивиад на странное нагромождение из мешков и сундуков.

- Подарки от афинян.

- Подарки! И ты не утопила их в этих мешках?

- Они просят тебя вернуться. Пока ты жив, у них есть надежда, так они говорили. Но боюсь, что Лисандр это тоже понимает.

- Лисандр, - эхом отозвался Алкивиад, тяжело опускаясь на тронос,- есть ли спасенье от этого бедствия? - глухо проговорил он, снимая с головы обруч.

- Да, яд и кинжал, - спокойно ответила Тимандра, - и друг. Или любовница.

- Он недоверчив.

- Э, смотря как за это взяться! Ловкому человеку..

- Хватит мечтать, - оборвал Алкивиад, - все-равно я не собираюсь подсылать к нему друга или любовницу с ядом или кинжалом. Ну ,что скажешь, неожиданный гость? - Обратился он к человеку в дорожной одежде, сидящему за столом, который по странной случайности был похож на Алкивиада: густые светлые волосы были собраны в жгут на затылке и спускались до самого пояса, на лбу серебряный обруч, и серый дорожный плащ был расшит пестрым орнаментом. - Как ты нашел меня?

- Я все объясню. - Охотно ответил гость и метнул в сторону Тимандры недоверчивый взгляд. - Меня прислала царица Спарты.

- Ого! - Перебила его Тимандра.

- Лисандр опасается - продолжал гость, - что ты снова вернешься в Афины и чтоб этого не допустить, он тайно прислал гоплитов , наемных убийц. Они будут здесь в полночь, уходи поскорей. Они сожгут здесь много домов...для отвода глаз. Я останусь вместо тебя.

- Только вчера я покинул Афины, а ты хочешь, чтоб я снова пустился в путь! - Возразил Алкивиад. - Пусть приходят. Вместе с Лисандром . Я не бродяга тащиться по дорогам.

Взглянув прямо в глаза Алкивиада, гость улыбнулся:

- Меня зовут Алкиной и я чемпион по метанию копий , но увертываться от кинжалов, пущенных из-за угла - этому я не учился, и как известно, ты тоже. А Лисандр не придет. Он сам никогда не приходит, не его это методы...

- Не медли, Алкивиад, - проговорила Тимандра, извлекая из сундуков драгоценности и надевая на себя без разбору все, что подворачивалось под руку, - уходим отсюда .

- А прислуга? - Спросил Алкиной.

- Нет прислуги у нас. Немой не нашли, а другая -

говорит слишком много.

- Я здесь останусь, - сказал Алкиной, - мне велено остаться, как будто я - это ты. Отдай мне свой плащ и щит.

- Щит не отдам, - раздумывая, отозвался Алкивиад, - там все равно нет именных знаков.

- Нужно инсценировать твою гибель, согласишься, что это умно. Ты сохранишь жизнь, а значит надежду. Только в ближайшее время нечего и мечтать о защите Афин. Это не воля Лисандра - подчинить себе всю Элладу. Он не настолько безумен.

- Кто же тогда - враг?

- Враги, - поправил гость, - тайное общество правит Элладой, Лисандр - всего лишь их ставленник. Кир в сговоре с ними. И это плохая новость.

- Зачем вообще уходить, если все так безнадежно?

- Сопротивление - тоже победа.

- Уходим! - Торопила Тимандра, связывая в узел какие-то вещи и гася светильники. - Выгребим, справимся!

- Если услышишь о моей гибели, не верь. Через несколько дней я буду во дворце Тиссаферна. - Застегнув пряжки кирасы и спрятав под плащом целый арсенал оружия, Алкивиад по ступеням спустился во двор.

- Пусть это изгнание будет на совести афинян! - подойдя к порогу, с сердцем проговорила Тимандра .

- Нет у них совести. - Отозвался Алкивиад, седлая лошадь. - Откуда? - Он глянул в небо, - теперь новолунье...

- Луна в скорпионе, хороший знак! Ступай безшумно, пока ты в городе.

- И не звени оружием, - добавил Алкиной, - не доверяй никому, нигде не останавливайся.

- Мне бы хотелось умереть с тобой, - проговорила Тимандра, вглядываясь в Алкивиада, вошедшего с лошадью в тень. - Больше мне мечтать не о чем.

- Это была бы роскошь, - ответил Алкивиад , - как раз этого и не дано.

Расстояние между ним, Тимандрой и Алкиноем все более возрастало . Они шли за ним, но потом отстали, провожая его взглядами и досадуя на громкий

шаг лошади.

В сопровождении луны и скупно мерцающих звезд, Алкивиад выехал на дорогу. Теперь ничто не мешало пустить лошадь галопом, но он ехал тихо, прислушиваясь к каждому звуку. Было бы разумным сменить яркую одежду, привлекающую внимание за версту, на более скромное облачение, но мимолетная мысль об этом сменилась холодным презрением к опасности. Никогда не менялся Алкивиад в угоду Судьбе! Он мог внезапно исчезнуть, но уж если исчезал, то не иначе, как прихватив с собою все веселье создаваемого им праздника. А однажды он прихватил всю разношерстную толпу, окружавшую в то время знаменитую Аспазию, чем и разневал ее на многие годы. Было это двадцать лет назад. Да, если шли за ним, то уже без оглядки. И по следу за ним бежали, обгоняя друг друга, враги его - опасность и зависть. Прежде, не обращал он на них внимания, но с течением времени такие спутники причиняли все большее беспокойство, и их нужно было учитывать, и подавлять, и избегать... Вот и теперь в эту звездную ночь он снова один на пути к неизвестности, преследуемый опасностью. А все - зависть, затмившая здравый смысл афинян. Зависть страшнее смерти, ибо глушит страх перед смертью. Накануне сражения с войском Лисандра, из осажденных Афин стратиг Алкивиад бежал, обвиняемый в преступлении, которого не совершал. Да и само преступление - непочтительность к богу Гермесу, не вызывало б его внимания, если б за ним не маячила казнь. Лисандр стучится в ворота, но афинянам страшнее Лисандра их защитник - Алкивиад, ибо болят их глаза от слишком яркого света. Они желают жить в

сумерках. И это не первый раз накануне решающих битв покидает Афины Алкивиад , преследуемый доносами. Предупреждал же Сократ, сто раз предупреждал: "Будь незаметным! "

Дорога вела под гору. Спрыгнув с лошади, Алкивиад повел лошадь по узкой тропинке, нависшей над берегом моря. Цепляясь плащом за острия осоки, он поминутно оглядывался, но вокруг было тихо, безлюдно.

Невозможно быть незаметным, занимая высокое положение в обществе и обладая такими чертами, какими прославился Алкивиад еще в юности.

Чувство ответственности за все происходящее вокруг и ощущение необыкновенной силы, дающей ему возможность не только справиться с любыми обстоятельствами, но и направлять эти обстоятельства в нужную ему сторону, обозначили его как лидера, и это не страшило его, а напротив - увлекало возможностью творить свою судьбу и судьбу своего народа. Никто не оспаривал его право на это . Однако противодействие он встречал на каждом шагу, из-за чего его деятельность иногда сводилась к примитивной борьбе с недругами . Общение с Алкивиадом , всегда начинавшееся восторгом, неминуемо приводило его окружающих к копированию всех его действий, к несправедливому заимствованию его идей, по чему видна была зависть к нему, а затем возникала ненависть , которая ставила перед собой задачу - уничтожение. И посему его жизнь оказывалась в постоянной опасности. Но служила бы память защитой! Но память его молчала, позволяя излишней доверчивости вновь

сближаться с кем-либо на слишком близкое расстояние , опасное для его жизни и целей. Благородство и сила духа глушили обиды, веселый же нрав исключал сожаление. Он совмещал в себе лучшие качества, доступные каждому человеку, но в нем они были значительно приумножены: часто его щедрость переходила в расточительность, смелость - в безрассудство.

В числе прочих достоинств боги наделили его яркой красотой и это сыграло решающую роль в его судьбе. Несмотря на высокое положение в обществе, может, никто бы никогда не узнал о его талантах и возможностях , если бы люди не нуждались в красивой оболочке. Царственная осанка и величие, скользящее в каждом его движении,необыкновенной красоты голос дополняли его образ, так щедро наделенный всем, что высоко ценилось - золотистыми длинными волосами, красивым лицом. Всякий, впервые увидевший Алкивиада, останавливал на нем взгляд, полный внимания и восторга. . И если прежде молва о его любовных похождениях льстила его самолюбию, то со временем вызывала досаду , поскольку ложь приобретала уже слишком необыкновенный размах. Фантазия сочинителей не истощалась и тогда Алкивиад принял решение - запоминать хотя бы тех, кто охотно верил молве, считая таких людей своими врагами, что вполне соответствовало действительности. Лжецы не нуждались в фактах. Алкивиад привык узнавать о себе новости от третьих-четвертых лиц, но хладнокровия в этом так и не достиг : также, как в юности его злило столь пристальное внимание к себе и тысяча небылиц, сопряженных с его именем. Его полководческий талант и политическая дальновидность так и не смогли обеспечить афинян безопасностью, поскольку сама жизнь Алкивиада представляла собой череду

опасностей, исходящей часто от тех же афинян, которых бросало в крайности - от любви к ненависти. Еще недавно чернь настойчиво добивалась провозглашения Алкивиада царем, принося ему клятвы верности, а затем по выдуманному предлогу требовала его смерти. Уяснив, что войско Лисандра приблизилось к Афинам на слишком близкое расстояние, и связывая свои надежды на спасение с Алкивиадом, афиняне все же не смогли удержаться от искушения воспользоваться доношением... Впрочем, какая-то часть из них раскаялась очень скоро и тайно отправилась к Алкивиаду, прося его о возвращении и утраченной ими защите. Но времени не оставалось поворачивать вспять события, к тому же Алкивиад очень хорошо знал, что смерти его желают намного больше, чем смерти Лисандра.,

Постоянная угроза изгнания из Афин остракизмом, балансирование между жизнью и смертью, крикливая слава о нем, - все это, однако, не смогло наложить мрачный отпечаток на характер Алкивиада, приведя его к таким чувствам как ненависть или мстительность. Его светлый душевный колорит вытеснял горькие воспоминания, каждый день наделял его новой надеждой.

Через некоторое время дорога вывела его на равнину. Тонкий серп луны освещал его путь словно светильник и плыл за ним по правую руку. На распутье он также повернул вправо, точно угадывая направление пути, и проехав еще немного, увидел несколько вооруженных людей, преградивших ему дорогу. Алкивиад остановился.

Ему навстречу из темноты выехал всадник.

- Назови свое имя! - Прокричал он взволнованно, гарцуя и отворачиваясь от света луны.

- Зачем тебе мое имя? - Спросил Алкивиад, разглядывая незнакомца, но по его одежде и амуниции лошади нельзя было определить откуда он родом и какова его цель. Скорее всего - путешественник.

- Моя госпожа Аспазия спрашивает твое имя.

- Аспазия? - Выезжая вперед, переспросил Алкивиад. Подумав, он снял с левой руки браслет с именными знаками :

- Передай это своей госпоже и скажи, чтоб мое имя вслух не называла!

Всадник бросился выполнять поручение. Через несколько минут он вернулся:

- Моя госпожа приглашает тебя ! - Радостно объявил он.

Проехав немного вперед, Алкивиад разглядел на дороге колесницу, окруженную десятью всадниками. Когда он увидел улыбающуюся ему навстречу

черноволосую женщину, его сердце дрогнуло.

- Почему так мало людей? Разве тебе жить надоело?
- Весело спросил Алкивиад, подходя и запрыгивая в повозку.

- Эти - самые лучшие ! - ответила Аспазия, указав небрежным жестом на всадников, и оставляя в воздухе искристый алмазный след. - Да и кто бы говорил?

Она внимательно вгляделась в лицо Алкивиада, потом крикнула:

- Зажгите факелы!

- Зачем? Это равнина, опасно, заметят.

- А , все-равно! - Она долго вглядывалась в него. Ее черные волосы скрывало покрывало, но оно соскользнуло,открывая взору вплетенные в косы золотые нити.

- Я не спрашиваю куда ты идешь, - грустно проговорила она. - Наверное, это наша последняя встреча.

В ее голосе звенели слезы :

- Когда понимаешь, что все происходит в последний раз, уже ничего не жаль... Я еду к Крезу. Может быть, там я найду покой, да и вообще надо ж куда-то деваться... Война сотрясает Элладу, а там безопасно.

- Разве может найти покой тот, кто любит тревогу?

Аспазия задумалась.

- Но моя беспокойная жизнь подарила мне свободу, любовь и даже тебя! Разве этого мало? Что есть лучше?

- Напрасно ты без попутчиков, - продолжала Аспазия. - А если ранение, кто тебе поможет? Я могу отдать тебе пятерых всадников.

Алкивиад усмехнулся и крепко сжал ее руки в своих:

- Когда понимаешь, что все происходит в последний раз, уже ничего не жаль... и не страшно.

Уткнувшись в его плече, Аспазия беззвучно заплакала. Освещенный пламенем факела в повозку впрыгнул гоплит:

- Госпожа, там впереди какие-то люди, пешие, обгоняют нас!

- К черту! - Шепнул Алкивиад.

Взявшись за руки, они долго молчали.

- Ночь - лучшая спутница для изгнанника. Прощай, Алкивиад! - Взглянув на него, Аспазия снова заплакала. Ее слезы капали на его ладони, оставляя следы черной краски. - Сколько лет мы знакомы?

- Двадцать семь.

Аспазия улыбнулась:

- Ого! А сколько раз мы ссорились?

- Ты даже меня ненавидела.

- Нет, что ты! Только любила!

- Да? Об этом трудно было догадаться, когда охотились на меня твои лучники!

- Они охотились не по-настоящему, - с улыбкой, задумчиво проговорила Аспазия.

- Зато мне по-настоящему приходилось скрываться от

них.

Она взглянула в его глаза и долго не отводила взгляд, словно заимствуя из его мира силу духа, так необходимую ей сейчас.

- Вот теперь я спокойна, - проговорила Аспазия, минутою спустя. - Да сохранят тебя боги!

- Может, мы еще встретимся! - в голубых глазах Алкивиада сверкнуло веселье, словно луч солнца прорезал нагромождение из туч. Поцеловав Аспазию, он выпрыгнул из повозки. - Где те людьми, которых вы заметили ? - Обратился он к одному из всадников.

- Не знаю, они куда-то исчезли.

Алкивиад оглянулся.

- Я не могу вас сопровождать, я должен идти в другую сторону!

- Не беспокойся, - словно отгадав его мысли, произнес всадник, - госпожа в безопасности! Мы даже пересекали границы !

Помедлив еще немного, Алкивиад пришпорил лошадь и пустил галопом, не оглядываясь на

колесницу, оставленную им на дороге.

Теперь его путь лежал на Восток - туда, где всходило солнце, заливая розовым светом небо и землю. С наступлением рассвета радость жизни, наполнившее сердце Алкивиада, отзывалась каждым явлением в природе - пением птиц, движением ветра, все ярче проступающими контурами деревьев. Он не беспокоился о Тимандре, он знал, что она не только в горящую избу войдет, но и выйдет благополучно. Его беспокоила мысль об оставленном Алкиное и только слабая надежда на его спасение веселила Алкивиада. Ведь нельзя же погибнуть так – не за грош, ведь не могла же отправить царица Тимея исполнять такую хитрую роль человека не опытного, не способного выжить в неравном бою. И снова мысль об Афинах обжигала его душу не то гневом, не то любовью... И все-же

возвращение в Афины представлялось ему в радужном свете, тем более неожиданное для врагов, когда молва о его гибели обойдет всю Элладу. Вдохновленный мыслью об этом он приблизился к городским стенам, выросшими перед ним таинственным рубиконом, и, убедившись в том, что они никем не охраняемы, отыскал вход к каменному лабиринту, тайно приводящий к царскому дворцу. Тишину лабиринта нарушил топот копыт, огромные камни, поросшие мхом, угрожающе нависали над головой Алкивиада и заслоняли солнечный свет. Ступая в этих сумерках, Алкивиад с интересом разглядывал камни и вымощенную дорогу, хоть и был здесь не первый раз. Не ускоряя шага, он вел

за собою лошадь, зная, что рано или поздно сумерки прекратятся и загадывал только о том, кто встретит его во дворце и для кого его появление может быть неожиданностью. Вскоре он вышел во двор, посреди которого стоял человек в красной кирасе, задумчиво сжимая в руке подкову. Появление стройного всадника в роскошной одежде произвело на него двойственное впечатление – страха и восхищения.

- А, это ты, Алкивиад! – Проговорил он, опомнившись.
- Так это неправда, что о тебе говорят ? Будто ты заперся в каком-то доме с прислугой и посвятил свою жизнь воспитанию детей. К оружию не прикасаешься, лошадей боишься. Но я рад, что это неправда. Я вижу тебя живым и в здравом рассудке.

Алкивиад усмехнулся.

- Дай мне людей. Немного. Мне нужно вернуться в Афины.

- У меня денег нет на содержание войска. Нет, Алкивиад, и не предвидится. А если честно, то мне сложно понять из чего ты хлопчешь. У тебя нет более злых врагов, чем афиняне.

Алкивиад, сощурившись, глянул в небо – солнце было в зените. Он опять промолчал.

- Я знаю куда ты идешь, - изменившимся голосом

продолжал царь Спарты Агид , - но мне это все-равно. Если тебя не страшит змея, то это твое дело. Но не надейся, что твои потомки будут править Спартой, я этого не допущу.

Алкивиад опять усмехнулся и, оставив лошадь на попечение Агида, прошел во дворец.

Он быстро взбежал по лестнице и, откинув полог, оказался в огромной зале, мозаичный пол которой был застелен коврами. На полу на пестром ковре с трудом можно было различить фигуру женщины в зеленом хитоне, покрытым как плащом прядями каштановых волос. Увидев Алквиада, женщина радостно вскрикнула и бросилась к нему навстречу.

- Осторожно ! - Отстраняясь от ее объятий, произнес Алкивиад, - Четыре кинжала, два меча!

- И это все, что ты можешь мне сказать? Ты пришел говорить со мной о кинжалах? - Воскликнула Тимея - царица Спарты, глядя на него широко открытыми глазами, обрамленными крашенными ресницами.

- Спасибо за помощь! - произнес он устало.

- Хорошо, что я не ревнивая, иначе бы ты не дождался от меня помощи! - С досадой проговорила Тимея. - Но тебя это не радует?

- Что хорошего, если приходится принимать помощь от тебя?

- Да ведь я - царица !

- Все одно!

- Алкивиад опять намерен ссориться ?

Откинув полог, в зал прошла служанка с младенцем в руках.

- Прочь! - Обернувшись,крикнула ей Тимея .

Служанка скрылась.

- У меня для тебя есть новость: вчера Лисандр вступил в Афины!

Алкивиад внутренне вздрогнул, но овладев собой, отыскал взглядом стену, и прислонив к ней мечи, прошел по коврам к окну. Ему не хватало воздуха.

- Не останавливайся напротив окна. Оно под прицелом.
- Наблюдая за ним, проговорила Тимея.

- Я думала, ты обрадуешься. Афиняне столько зла тебе причинили!

Он ответил огненным взглядом. Опустившись на ковер, замер, обхватив голову руками.

- Что тебе еще надо? - Подойдя к нему , спросила Тимея. - Живи спокойно.

- Афины надо . - Глухо отозвался Алкивиад. - Ведь я стратег.

- Ты не стратег ! Они дважды отказались от тебя!

- Зато я от них не отказался! - Запальчиво проговорил Алкивиад. - В Афинах не только люди, там есть еще камни, небо, вода!

- Ну да, и дриады вызывают о помощи! - иронично проговорила царица, - кажется, одна из таких дриад встретилась тебе по пути в Спарту.

- А ты откуда знаешь?- Резко спросил Алкивиад.

- Мне многое известно.

- Вот как! Тогда скажи царю, чтоб дал мне войско!

Уговори его! Ты сумеешь!

- Что ты! Да он говорить со мною не хочет, а все - из-за тебя!

- А ты скажи, что поход безнадежен, что скорее всего, я погибну!

- А Тимандру ты возьмешь с собою?

Алкивиад промолчал.

- И как тебе удастся совмещать любовь Спартанской царицы с любовью гетеры ? - Настаивала Тимея.

- Я не о любви хлопочу. Мне нужно вернуть Афины.

- А когда ты вернешь Афины, ты , конечно, объявишь себя царем, а царицей будет Тимандра, да ? И ты думаешь, я буду содействовать твоим замыслам?

Алкивиад вдруг расмеялся.

- Странный Алкивиад, - рассуждала царица, - дважды бросает Афины, да еще накануне сражения и прячется в набережном доме. С гетерой! Видимо, гетера защищает надежнее целого войска! Затем славный Алкивиад

убегает даже от своей защитницы ...

Алкивиад медленно поднялся .
Припоясавшись мечом, вышел из залы и спустился по
лестнице вниз.

- Это правда, что она тебя старше?! - Перегнувшись
через перила, крикнула ему вслед царица.

Спустившись во двор, Алкивиад снова увидел
Агида, только теперь в окружении вооруженной свиты.
Под прицелом враждебных взглядов, Алкивиад оседлал
лошадь. К нему подошел Агид:

- Ты не думай, что я ревную, но я буду рад, если тебя
здесь больше не увижу,- произнес он бесцветным
голосом.

Пришпорив лошадь, Алкивиад направился к
воротам, распахнутым настеж.

Неожиданно четверо всадников сорвались галопом и
преградили ему дорогу. В их глазах светился задор.

Откинув плащ, Алкивиад выхватил меч.

.- Расступитесь! - Услышал он царский окрик.

Всадники, нехотя, уступили ему дорогу.

Стараясь не глядеть по сторонам, Алкивиад ехал шагом по улицам Спарты. Впервые за много дней он ощущал усталость. Мысль о том, что Лисандр хозяйничает в Афинах наполняла его таким гневом, что несколько раз он сдерживал порыв развернуть лошадь по направлению Афин и помчаться в город стрелой. И если б его врагом был только один Лисандр, он так бы и поступил. Но что делать с завистью афинян, вооруженных ненавистью и безумием? Они единодушны с Лисандром! И если Лисандр в своем соперничестве с Алкивиадом приобретает значимость и власть, то в этом есть логика для Лисандра, но какой смысл афинянам соперничать с Алкивиадом, обрекая себя на гибель? На этот вопрос он не знал ответа, как впрочем, и афиняне.»Будь незаметным!» Легко сказать! Да и как жить в полсилы, когда словно спрут оплетает Элладу власть архонтов и их ставленника - Лисандра? Сдаются им города и гибнут в них лучшие люди – аристократы, поэты, ученые, гибнут тысячами крестьяне, простые гоплиты, ремесленники... Но остались еще Афины, но жив еще Алкивиад... Впрочем, Афины пали... Остался Алкивиад, словно дикая лань, убегаящая от погони. Еще жив один человек, способный сопротивляться... Поймав на себе любопытный взгляд горожанина, пересекшего улицу, по которой он ехал, Алкивиад вдруг пустил лошадь галопом и за считанные минуты миновал город. Какая-то скрытая сила торопила его и гнала из Спарт... И снова он был на дороге, но вместо того, чтоб взять направление к Тиссаферну, он отъехал далеко в сторону, высмотрев на горизонте безконечную череду обозов, которая приближалась к нему. Толпы людей шли за обозами и похожи они были на беженцев. Спасаясь от голода или огня, кто-то опять покинул

деревню или ушел из города, страшась гнева Лисандра, который не знал ни жалости, ни умеренности. Молва о трех тысячах пленных афинян, которых однажды казнил Лисандр, не моргнув глазом, сотрясла Элладу, вдруг приведя в чувство даже тугодумов, которым стало понятно какая угроза нависла над ними. Угроза превратилась в отчаянье, причем еще и – немое, поскольку противопоставить было нечего и некого в этой страшной, необъявленной и временами – скрытой войне с Элладой. Воевали разными методами, преследуя и уничтожая лучших людей – сильных, способных к сопротивлению. Самым ярким из них был стратиг Алкивиад и он смог превратить Афины в последний оплот Эллады перед этим многоруким и многоголовым чудовищем – архонтами Спарты и Лисандром, дергающими невидимую паутину, оплетающую все города и приводящие их к падению то с помощью голода, то меча. И цель их была не нажива, а уничтожение эллинов. Иногда за советом в таком сложном деле Лисандр путешествовал в Африку и молился богу Амону, и приносил ему жертвы. Но Алкивиад был уверен, что побоища, устраиваемые Лисандром в Элладе, и были этими жертвоприношениями... Сам же Лисандр не способен был отличить золота от меди, и надежда утолить его алчность равнялась нулю, он жаждал совсем другого...

Ветки масличных деревьев служили Алкивиаду прикрытием и, прячась за ними, он различил голоса приближающихся людей. Он пытался определить откуда они идут, и, прислушавшись, с удивлением услышал свое имя. Группа крестьян, идя за обозом, ругала Алкивиада за бездействие и предательство. Они справедливо считали, что он был единственным, кто способен преградить путь врагу, но они не знали подробностей: много раз Афинский стратиг вызывал

Лисандра на бой, но тот, не страшась славы труса, притворялся глухим. Избегая также сражений с войском Алкивиада, Лисандр часто не принимал их вызов, предпочитая хитрость открытому бою. Но об этом не знали беженцы, торопливо идя за обозом, на котором ехали и дети, держа в объятиях тюки с вещами.

- Алкивиад - самый красивый! – Вдруг встряла в разговор дочь одного их крестьян.

- Не болтай, чего не знаешь ! - с неудовольствием заметили ей старшие.

- Так все говорят!

Черeda обозов не прекращалась и Алкивиад решил не покидать своего укрытия, дождавшись когда дорога вновь окажется пустынной. Солнце уже садилось за горизонт, а он так и не знал куда идут эти люди. Ему надоело прислушиваться к их голосам, и к тому же он очень устал. С наступлением сумерек он опустилсЯ в траву, и укpывшись плащeм, задремал. Ему приснилась юность Тимандры, давно уже ставшая для него легендой...

Однажды, идя по городу, Тимандра заметила группу людей, среди которых был Алкивиад, и остановилась, словно пораженная молнией. Ей показалось, что Зевс Олимпийский сошел с облаков и на повороте к рынку собрал публику, чтоб рассказать о хитрости лакедемонян, которым нельзя

доверять...Величественный и стройный , наделенный какой-то необыкновенной грацией, располагающий к себе с первого взгляда, Зевс был одет в коричневый хламис, по которому разметались пряди золотистых волос...Высокий лоб украшал тонкий обруч, а холодный взгляд голубых глаз, вопреки всей теплоте, исходящей от облика Зевса, четко указывал на расстояние между ним и простыми смертными. И словно ослепла Тимандра.Куда ни глянет – повсюду Алкивиад ей мерещится. Замерло для нее звучание мира, и только речь Алкивиада ей слышится . Добредя к своему дому почти наугад, Тимандра утратила присущую ей веселость, вдруг осознав, что ее родные представляют угрозу ее будущей встречи с Алкивиадом, которая и без того в этой жизни представлялась маловероятной. С этой минуты Тимандра задалась целью избежать замужества с кем-либо из смертных для того, чтоб сохранить свободу и право встречи с Алкивиадом. Ее красота и дорогое приданное содействовали этой цели,позволяя под предлогом чрезмерной разборчивости выигрывать время. Но гром все-таки грянул, когда ей объявили однажды о дне предстоящей ее свадьбы ...

Выслушав это известие с стоическим спокойствием, Тимандра собрала все свои драгоценности, надела лучшую одежду и, едва дождавшись ночи, отправилась туда, откуда ее никто потребует и не позовет обратно. Расчет был настолько точен, что успех не вызывал сомнений, оставалось только исполнить задуманное. В ночной темноте пугали и шорохи, и тишина. Но душа, избравшая путь, приводящий к встрече с героем, сама должна была быть героической. Накинув на голову покрывало, Тимандра узкими улочками шла по ночным Афинам, прячась от факельного шествия загулявших аристократов . Среди них мог быть и Алкивиад, но,

преодолев искушение, она не взглянула на них. Петляя таким образом по ночным Афинам, Тимандра спустилась к набережной и постучала твердой рукой в дом факиров

, принадлежавший в то время знаменитой гетере Аспазии. Вскоре однако братья Тимандры отыскивали беглянку, и проклинали ее, и забыли о ней навсегда, что и нужно было Тимандре, живущей мечтою о встрече с Алкивиадом.

...Его разбудил яркий свет, просочившийся сквозь ветви деревьев. Была глубокая ночь и пламя факелов с шипением вырывалось из чьих-то рук, своим отблеском достигая Алкивиада. Толпа стояла на месте и ругательства только усилились. Ругали каких-то людей, замаячивших впереди и шлагбаумом преградивших дорогу. Их называли разбойниками и приспешниками Лисандра. Не открывая глаз, лежа навзничь, Алкивиад прислушивался и соображал. С тех пор, как он погрузился в сон, толпа не совершила ни шагу, поскольку была остановлена людьми неизвестными и враждебными. Алкивиад слушал лениво, пока не узнал, что собранные тысячи драхм не смягчили сердце злодеев и не открыли дорогу, а напротив - были отвергнуты с требованием указать среди беженцев лучших из них, которых бы слушались остальные ... Узнав в этом почерк Лисандра, Алкивиад усмехнулся – шила в мешке не утаить! Ему хотелось не двигаться, но совершив усилие, он поднялся с травы и пошел, заслоняемый деревьями к голове толпы. Вскоре он заметил пятерых гоплитов, которые были с поклажей (они тоже тащили за собой обозы), и одного всадника, которые загородили дорогу. Подивившись такому ничтожному количеству злоумышленников, Алкивиад

заметил, что их не так уж и мало – некоторые из них спали в обозах. Стараясь быть не заметным, Алкивиад остановился в стороне. Гоплиты о чем-то совещались... А ведь тысячная толпа, которую они остановили силою страха, могла бы смять их в одну минуту, просто не замедляя шага, не прекращая движения...

Дорога проходила над пологим обрывом у подножия гор. Наблюдая за гоплитами, Алкивиад понял, что нет среди них согласия – четверо против двоих согласны были за деньги открыть людям дорогу. Двое, колеблясь, словно под натиском чужой воли, не соглашались. Старший из этих двоих – угрюмый и незговорчивый в красной спартанской кирасе, но с биотийским щитом, что указывало на то, что эти вещи ему не принадлежали, производил впечатление лидера. Выйдя внезапно из своего укрытия, Алкивиад, защищаясь мечом схватил гоплита в красной кирасе и приставил нож к его горлу:

- Я проткну ему глотку, если вы не уйдете! - Воскликнул он, прикрываясь им словно щитом и вышел на середину дороги. Пленный гоплит жестами скомандовал остальным немедленно удалиться. Они кубарем скатились с обрыва. Сбросив им вслед их обозы и отпустив главаря, Алкивиад обратился к толпе, которая затаив дыхание наблюдала за происходящим.

- Дорога свободна, что ж вы стоите? – С досадой спросил Алкивиад.

Пленный гоплит жестами скомандовал остальным немедленно удалиться. Они кубарем скатились с

обрыва. Сбросив им вслед их обозы и отпустив главаря, Алкивиад обратился к толпе, которая затаив дыхание наблюдала за происходящим.

- Дорога свободна, что ж вы стоите? – С досадой спросил Алкивиад.

Люди со страхом смотрели на него, будто ожидая вопроса или нового притеснения. Наконец один из крестьян обратился к нему:

- За кого нам молиться? Как зовут тебя?

- Теодор, - ответил Алкивиад.

- Теодор...,- недоверчиво повторил крестьянин, - это имя для тебя слишком простое, но если хочешь так называться, то какое нам дело? Доблестью ты похож на Алкивиада, который погиб вчера. Может, слышал? Прежде он защищал наши земли на свой страх и риск с отрядом в двести человек, но вчера мы узнали... В общем, помощи ждать нам неоткуда и мы решили уйти.

- Неужели среди вас нет людей, способных носить оружие?

- Носить оружие? Да, конечно! А вот владеть им против обученного войска, это – нет...

- Тогда на что вы надеетесь? – Вспрыгивая на лошадь, спросил Алкивиад. - Вы должны сами себя защищать!

И отъехав на пару шагу, развернувшись к ним, крикнул:

- Сопротивление – тоже победа!

Теперь он спешил к ближайшей гавани, чтоб отыскать там самую быструю триеру ... Звездная ночь обволакивала его тишиной, которую нарушал топот копыт его лошади и трели сверчков в траве. Огромный расшитый золотом плащ Алкивиада попоной застилал лошадь, свисая почти до земли, а причудливый яркий узор на плаще, сверкал в темноте, отражая свет бледный луны.

Спокойный величественный его облик не мог никого ни восхитить, ни уязвить завистью, поскольку на дороге в эту пору никого не было - горизонт был пустым, и в сгустившейся темноте нельзя было определить где кончается земля и начинается небо. Однако он знал в какой стороне находится море и порою ему казалось, что он улавливает шум прибрежной волны. Тонкий серп бледной луны маяком зависал над ним, словно указывая дорогу, но Алкивиад не смотрел на него, уносясь мысленно в прошлое. Он вспомнил веселые пиршества в шатрах Аспазии и невольная улыбка мелькнула в его лице. Вспомнил, как много лет назад во время такого веселья пиршество затянулось и в

разгоряченном вином воображении Алкивиада

появлялась и манила к себе карта Сицилии, захват которой представлялся до смешного простым, что и пытался объяснить Алкивиад двум-трем гетерам, расположившихся к нему поблизости и переодетых в лесных нимф. Нимфы не верили Алкивиаду, явно выказывая легкомысленное отношение к предстоящему захвату Сицилии. Обдав их презрительным взглядом, Алкивиад обратился к своему другу – вину. Оно переливалось в золотой чаше и расплескивалось по столу. Рубиновые капли застывали на золотых блюдах, в которых отражались огни светильников.

Алкивиад мутным взором обвел огромный шатер, завешанный светильниками, спускавшимися на золотых цепях к самому полу, застеленному коврами.

И в эту минуту появилась и застыла на пороге гетера, которую он прежде никогда не видел: ее строгий и утонченный облик вовсе не сочетался со всей обстановкой пиршества, и только яркие коралловые бусы, украшавшие ее шею, наделали ее некоторой вульгарностью. Высокая прическа, длинные золотые серьги и зеленый хитон, суженный поверх талии – все это озадачило Алкивиада, может и потому, что он наполнял уже пятый бокал вина. Он внимательно взглянул на гетеру и их взгляды встретились – еще никто никогда ни смотрел на него с такой любовью – его словно накрыло теплой волной и он услышал завистливый смех нимф. Улыбнувшись им в ответ, и вновь переведя взгляд на гетеру, Алкивиад даже забыл о Сицилии... Карта Италии выскользнула из его рук и ярко вспыхнуло пламя в светильниках...

Он проснулся в своем шатре и, открыв глаза, увидел

над собой золотой обруч балдахина, от которого тянулись шелковые занавеси.

Он не помнил, что было вчера, однако пытался нашарить под подушкой свиток, испещренный

геометрическими знаками.

- Если ты ищешь карту Сицилии, то она здесь. – Прозвучал над ним незнакомый голос и Алкивиад увидел гетеру, так внезапно появившуюся вчера. Только сегодня она была одета в серый дорожный плащ . Алкивиад с изумлением глядел на нее.

-Ты кто?- Спросил Алкивиад, начиная припоминать свое вчерашнее выступление на пиру.

- Тебе ведь нужна прислуга, - уклончиво ответила незнакомка, и в голосе ее прозвучал вопрос.

«Гетера в качестве прислуги! Вот к чему приводят пьянки с Аспазией!»- Промелькнуло в сознании Алкивиада,но в эту минуту шевельнулся полог, занавесивший вход, и раздался грубый низкий голос.

- Доброе утро, Алкивиад! Тиманда с тобой?

Она ответила огненным взглядом и живо замахала

руками, сигналив, что «нет».

Алкивиад соображал медленно, но догадался спросить:

- Тебя звать Тимандрой?

- Да!

- Нет, не со мной! – Крикнул Алкивиад

- Тогда я войду, - предупредил голос.

- Нет! – Властным решительным окриком остановил его Алкивиад. – Ко мне без приглашения в гости не ходят!

- Смотри, Алкивиад! Если Аспазия узнает, что Тимандра с тобой!

Алкивиад в ответ расхохотался. Он пытался выпить вина, но оно расплескалось в его руке под напором бурного смеха.

- Очень страшно, - наконец кротко промолвил Алкивиад, улыбаясь.

- Колесницы уже отъезжают, - явно обидившись,

проговорил голос.

- Счастливого пути!

- Может, простишься с Аспазией?

- Зачем? Мы все-равно встретимся в другое время и в другом месте! Прощайте пока!

- Ну прощай, - пробасил в ответ голос и по движению полога стало ясно, что непрошенный гость ушел.

Алкивиад перевел взгляд на Тимандру:

- Я украл гетеру у Аспазии! Ну ладно! Так получилось!

- Слава Богу! – С чувством промолвила Тимандра, продолжая с опаской глядеть на полог, словно ожидая, что сейчас в шатер войдет вся рать Аспазии .

- Да, наверняка она оставила здесь пару десятков всадников, - отгадал ее тревогу Алкивиад, - но далеко за нами они не поскачут. Ночью уйдем отсюда. У меня тоже есть свои всадники. Ты в каких веришь богов?

Шумно празднуя свои победы в компании Аспазии, Алкивиад не задумывался о времени, расточая его

также, как золотые монеты. Яркие шатры, раскинутые где-нибудь на зеленых холмах вдали от города, привлекали к себе музыкантов, которых иногда насчитывалось до сотни, текли моря разливанных вин и веселье иногда затягивалось на несколько недель. И вдруг гетера со строгим взглядом положила предел этой веселой традиции.

Алкивиад никогда не думал о любви и стихов не писал, но с момента встречи с Тимандрой, он понял, что у него есть тыл. Возвращаясь с войны или покидая пиршество, путешествуя по Элладе, он всегда возвращался туда, где ожидала его Тимандра, и нравилось ему то, что это ожидание и уверенность в встрече достались ему просто так, без усилий, и ничего в этой данности измениться не может. Оказалось, что Алкивиаду, так хорошо знакомому с превратностями судьбы, необходимо было постоянство хоть в чем-то и это постоянство занимало достаточно много места в его душе, что со временем можно было назвать и любовью.

И поэтому страстно любившая золото черноволосая Аспазия вплетала в свои косы золотые нити и задумывалась о мести... Очень скоро Алкивиад заметил несколько пристальных взглядов в толпе со стороны людей, прячивших за спиной лук и колчан со стрелами. Из-за этого обстоятельства в одну из ближайших ночей отплыла триера с Тимандрой к берегам Коринфа... Сам Алкивиад отправился в поход к лаклакедемонянам и дом его опустел до поры-до

времени.

Туманом рассеялись воспоминания и Алкивиад услышал приближающийся топот копыт. Не ускоряя шага, он ждал появления незнакомцев на большой дороге и скоро

на распустье его догнало четверо всадников. Развернувшись к ним, Алкивиад увидел, что они безоружны

и по всей вероятности – странники.

- Скажи, как найти нам дорогу в Тиринф? – Спросил один из них, тревожно оглядываясь, - мы заблудились и ищем дорогу .

- В Тиринф? – Задумчиво переспросил Алкивиад, - зачем искать дорогу в Тиринф? Там теперь не спокойно.

- А где теперь спокойно?

– в Сардах.

- Что ж, поедим в Сарды. Нам выбирать не приходится, мы – изгнанники!

- Разве в вашем городе тирания?

- Хуже! У нас демократия! И если ты в чем-то лучше других, а дураков в городе больше, чем умных ... У меня дом был красивый, сам расписывал . Дом сожгли, а меня изгнали из города.

- А у меня и дома-то нет хорошего. – Проговорил другой всадник – самый молодой из них, - просто так не понравился.

- Не просто так, у тебя сестра красивая, - возразил ему другой.

- При чем тут сестра? – Рассердился всадник. - Сестра замуж вышла! Мне-то что?

- Ну есть же что-то хорошее, ну и гуляй по белому свету: вот – Бог, а вот – порог!

- В таком случае, всех можно выгнать из города!

- Всех и выгонят! Это все Лисандр !

- У Лисандра руки короткие, - заметил один из них.

- Ну не он , так его помощники....Править должны лучшие, а тут - все наоборот! Если в чем-то тебе завидуют , то не прогневайся! Это только в Спарте все хорошо – там вообще конец света!

- Да, там даже нет несчастливых людей! Если несчастен – плати штраф, брак несчастливый штраф заплати. Загнали всех в какие-то общественный трапезные и все поют хором. Говорят, они даже хотели казнить за грустное выражение лица!

Всадники рассмеялись.

- Но там же есть царь? – С надеждой спросил один из них.

- Царь ничего не решает, - грустно ответил Алкивиад, - он сам в заложниках у архонтов.

- А, видно, он тоже поет?

- Да, что-то типа того.

- А если отправиться на границу с Фракией - к Алкивиаду?

- Не тратьте напрасно времени и отправляйтесь. в Сарды! - Произнес Алкивиад таким тоном, как будто приказывал атаковать флот Лисандра. – Границы с Фракией никто теперь не охраняет, там оставаться опасно! Отправляйтесь в Сарды, пока Крез не передумал оказывать гостеприимство таким, как вы со всей Эллады, и не закрыл ворота города.

- Дай Бог ему всяческих благ!

Всадники замолчали.

- Да, но ведь изгоняют только лучших людей и аристократов, - печально проговорил самый молодой из них. – Контролируют, изгоняют, казнят... Закон против роскоши – в Коринфе, и в Спарте: там демократия, а там тирания. Значит, если Лисандр не может идти войной, то побеждает миром? Демократы или тираны, а результат одинаковый!

Алкивиад вспомнил сколько раз он пытался устранить демократию в Афинах и как предательство его друзей помешало ему в этом . Обратив свой взор к морю, он ничего не сказал , только простился с всадниками, указав им короткий путь в Сарды.

О чем думает человек, которого все считают погибшим? С одной стороны – цель достигнута и обманут Лисандр , но с другой стороны... Алкивиад не может назваться собственным именем! Кроме того, судьба Алкиноя так и осталась не ясной. Известно лишь то, что развязка все-таки произошла, но было ли это правдой – правда ли то, что погиб Алкиной или удачная инсценировка гибели Алкивиада не причинила вреда герою? Рассуждая об этом , Алкивиад не заметил как рассвет разбудил голоса природы, и разлившись повсюду, указал его взору вдали невысокие горы, покрытые зелеными коврами травы. Под влиянием

свежих сил, привнесенных началом нового дня, Алкивиад остановился на мысли, что все-таки жив Алкиной. А иначе - зачем с такой радостью трещали б в траве цикады? Замедляя шаг, Алкивиад приближался к пристани, на близость которой указывали появившиеся на дороге крестьяне, ремесленники и матросы. Глядя на них, Алкивиад думал о том, насколько хрупка их жизнь, направляемая чужой скрытой волей, желающей остаться неузнанной и не названной, что все радости их и печали, взлеты или падения, их кажущееся своеволие, капризность, предпочтения, вкусы, направления в моде, их вера – все это лишь чей-то план, который для них был расписан, и отнюдь не богами Олимпа!

Спрыгнув с лошади, он шел не спеша, маневрируя среди толпы - сторонясь возниц и разносиков фруктов, которых было все больше и больше потому, что он вышел пристань, взглядом отыскивая триеру.

Спустившись к причалу, Алкивиад увидел девушку в странном коротком хитоне. Она разносила фрукты в больших корзинах, быстро взбегая на пристань, а потом возвращаясь. Длинные волосы, выгоревшие на солнце, были собраны в узел на затылке, а загорелое лицо и руки указывали на то, что весь день она находилась на пристани под палящим солнцем. Оттащив куда-то корзину, наполненную виноградом, девушка вернулась к триере, и не замечая Алкивиада, оглянувшись на город, вдруг громко заплакала. Алкивиад подошел к ней.

- Тебя зовут Випсания? – Схитрил Алкивиад.

- Нет, Психея, - ответил она сквозь слезы.

- А что ты здесь делаешь?

- Я? Помогаю...Разношу фрукты.

- А почему ты плачешь?

Удивившись вопросу, она взглянула на Алкивиада и утерла глаза.

- Сегодня многие плачут, я думаю. Алкивиад погиб.

- Разве ты знала Алкивиада?

- Нет, но мои братья – матросы, и они часто рассказывали о нем. Он был очень хороший и смелый! Он не проиграл ни одного сражения и люди шли к нему не ради денег, но ради славы! Когда у него закончились деньги, чтобы платить своим воинам, люди рисковали для него жизнью бесплатно!

- Да, это правда. Но откуда ты знаешь, что он погиб?

- Все уже знают об этом! – С отчаяньем проговорила она. – Видишь, некоторые триеры спустили паруса и отказываются плыть. Матросы не хотят выходить из

гавани!

- Что же случилось?

- Накануне ему приснился ужасный сон!

- Вот как! – С интересом заметил Алкивиад.

- Да, - уверенно продолжала Психея. – Но пересказывать страшно. А потом...в общем, враги явились внезапно и забросали его дом горящими факелами. Он потушил огонь и вышел из дома. Никто не решился вступить с ним в рукопашный бой, хоть врагов было очень много. Тогда они издали забросали его копьями. – Последнюю фразу, Психея договорила, заливаясь слезами. - Алкивиада отыскала потом гетера по имени Тимандра !

Слушая этот рассказ, Алкивиаду стало жаль себя. И Психею. «Значит, так развивались события? - подумал Алкивиад, - может, это инсценировка? Может, все-таки жив Алкиной ?»

- Так будут думать потомки, - сказал он, - но ...это неправда!

Велико было искушение проговориться. Милосердие взяло верх над осторожностью. Помедлив, он опять произнес:

- Алкивиад не погиб! Жив-здоров! Клянусь богом!

Она взглянула на него недоверчиво, и словно прочтя в его глазах мысль, воскликнула:

- Ты – Алкивиад?!

Вместо ответа, Алкивиад чмокнул ее в щеку:

-Я взял бы тебя с собой, но не могу!

Она с восторгом смотрела на него.

- Да и я не могу уйти с тобой! Но ты жив!

Он опять поцеловал ее.

- Никому не скажи! Пусть так думают все, кроме тебя!

- Никому не скажу!

Он повернулся, чтобы уйти,но , передумав, снял с своей руки кольцо и надел его на палец Психеи. Оно было велико для нее и он зажал кольцо в кулаке:

- Мой подарок тебе !

- Кольцо! Ох, оно дорогое!

-Это будет твое приданное!

Он ступил на триеру, которая раскачивалась на волнах.

Психея, не отводя от него взгляда, весело замахала руками:

- Прощай! – И снова утерла слезы, но это были уже слезы радости.

Отплывая, Алкивиад вновь услышал взволнованный голос:

- А можно сказать сестре?

Алкивиад рассмеялся, он предвидел такой вопрос.

- Да! – Крикнул он.- Скажи!

Над ним закричали чайки, разчерчивая воздух над лазурным морем. Они тоже куда-то стремились и по своему радовались жизни. Пики матч врезались в небо

и отражали солнце на своих парусах, и Алкивиаду казалось, что весь мир торжествует оттого, что остался он жив, и что есть в этом мире сердца, для которых это тоже радость великая.

Море искрилось и переливалось всеми оттенками синего цвета, пока сверкающим белым плащом не накрыло его полуденное солнце. Тогда волны расплескивались как молоко, образовав сверкающую дорогу, по которой, казалось, можно пройти – пробежаться к противоположному берегу. И эту дорогу распарывала триера под парусами, стремительно несущая Алкивиада вдаль – за горизонт, над которым кричали чайки. Триеру качало на волнах и подбрасывало, но она стремилась вперед, оставляя позади себя остров Крит, и Родос – летела, словно спасаясь от погони к далекому берегу, где звучала чужая речь и процветали чужие обычаи.

Алкивиаду наскучили скитанье и одиночество, и поэтому, сойдя на берег, он был рад оказаться в пестрой толпе, полной движения, говора и суеты. В ярких длинных одеждах, даже не щурясь от солнца, с корзинами на головах спешили с пристани на рынок торговцы, купцы, ремесленники. Одни погоняли ослов, навьюченных тяжелой поклажей, другие встречали матросов или разгружали привезенный товар. Верблюды и лошади в пестрых пополах загородили дорогу Алкивиаду – пришлось обходить, сторониться под крики возниц и разносчиков. Где-то сипло звучала мелодия, смешавшись со звоном тимпан. Ускорив шаги, Алкивиад миновал пристань. Он шел знакомой дорогой

в ошеломляющий роскошью дворец персидского сатрапа Тиссаферна.

Всколыхнулось пламя в светильниках от громкого возгласа Тиссаферна – увидев Алкивиада, он поднялся ему навстречу и, сойдя по ступеням трона, обнял его. Золотые цепи гирляндами свисали с его груди.

- Как дела?

- Сам знаешь, наверное.

- Да. Знаю и все плохое. Но хорошо , что ты жив! Я приказал об этом молиться! И вот: вижу тебя живым! Слава богам за то, что они не глухи!- Сверкнув белозубой улыбкой, он усадил Алкивиада поруч с собою и подал знак слугам, чтоб накрывали на стол.

- Это понятно, что плохо все, - продолжал говорить Тиссаферн, радуясь как дитя появлению Алкивиада. - В Элладе всячески унижают представителей дорийского племени – светлоглазых и светловолосых. Но вас большинство , куда вам деваться?

Архонты принудили вас поклоняться египетскому божеству Озирису и назвали его Дионисом! Он умер, а потом воскрес! И такая символика этого бога: вино - его кровь, а тело – хлеб, и праздники в его честь приводят меня в замешательство!

Алкивиад улыбнулся:

- Меня тоже! Но не все приняли культ Диониса!

Тиссаферн задумался, в его темных глазах отразился ужас:

- Что творится у вас в Элладе тогда! Как будто все обезумели! – И помолчав, наклонившись к Алкивиаду, конфиденциально добавил:

- Делают вид, что поедают Диониса!

И вновь, откинувшись на трон, воскликнул:

- Нет, Алкивиад, живи я в Элладе, давно бы ушел хоть куда-нибудь! Но однако, какие твои замыслы? Что ты намерен делать?

- Вернуться в Афины и выгнать Лисандра.

Тиссаферн внимательно взглянул на Алкивиада:

- На твоем месте я тоже бы думал об этом. Это благородно, ведь настоящий перс или дориец так бы и поступил! И возможно, что некоторое время тебе будет казаться, что это правильно, но потом ты поймешь, что

это нет так!

- Ты уверен, что это не так? – С сомнением спросил Алкивиад.

- Абсолютно! – С жаром воскликнул Тиссаферн. -

Ты не можешь объять необъятное! Разве ты можешь – один, а хоть и с великим войском выгнать Лисандра из Афин , а потом - архонтов из Эллады, и искоренить все зло, что они причинили ! Да против тебя поднимется вся Эллада, возглавляемая архонтами! Я это как вижу! Что ты! У этой проблемы решения нет! Поверь, ничего ты не сможешь!

- Хотя бы выгнать Лисандра из Афин! – Упрямо повторил Алкивиад.

Тиссаферн засмеялся:

- Ты меня извини, но сами афиняне тебя за это же и растерзают, ведь логика им чужда! Ну отгонишь ты этот прилив, но накатит другой, ведь враг не Лисандр !

- Еще меня беспокоит мысль.. . – Устало произнес Алкивиад , - даже если Лисандра не будет, архонты все равно не оставят Элладу в покое . Со временем найдут для нее внешнего врага, чтоб добить окончательно. И возможно, этим врагом они назначат Персию.

- Да, это вполне вероятно. Эллада, потрясаемая войнами, раздираемая демократами и тиранами будто бы в поисках единого справедливого социального строя, на самом деле является экспериментом для чуждых враждебных вам сил.

Но внешний враг - видимый враг, кем бы они ни был - только сплотит Элладу ! И тогда она победит, поскольку с внешним врагом справиться проще. Не грусти! Эта битва еще не проиграна, но и не только начата! Не одно столетие длиться! И к тому же – подумай о том, что во многом вы уже проиграли. И ты здесь совсем ни при чем – силы не равны, что поделаешь!

- Спасибо за добрые слова!

- Эти слова правдивые! Не может один человек повлиять на ход истории, не может! Даже если этот человек – Алкивиад!

Подперев кулаком щеку, Тиссаферн грозно нахмурился. Затем, словно вспомнив о чем-то , вновь обратился к Алкивиаду:

- Ваши боги коварны, хитры, кровожадны! Только кто на кого похож: вы на богов или боги на вас? Вы жестоки друг к другу, даже к собственным детям! Ваши законы свирепы, ваши обычаи кровожадны! Только враг может насаждать такие законы! Кто это все придумал?

- Это не мы придумали, это – архонты.

- А почему же вы приняли их обычаи ? – Вспылил Тиссаферн. - Почему же вы не изгнали архонтов, которые

предложили вам такие обычаи ? Вам внушили, что так поступать – нельзя, вы живете между понятиями можно- нельзя, законно или незаконно ,правильно или неправильно, как будто соблюдение правил и есть цель вашей жизни! Больше всего вы боитесь поступить неправильно! Вам внушают глупую веру... И тут же у вас появились философы, которые позволяют делать все, что угодно, лишь бы было обоснование, но они уводят от главного – от видения того, что в Элладе ведется уже сотни лет скрытая и беспощадная война! Вам внушили, что воля народа – свята и справедлива. А если это не так?

На основании чего народ может правым? - Говорил Тиссаферн с жаром, все более приходя в ужас от своих слов. – Он разве учил геометрию, астрологию, математику? Я не против! Пусть будет он правым! Но на чем он будет основывать свою правоту? Кто научил вас делить свою нацию на аристократов и народ и противопоставлять их друг другу, отдавая роль правых – народу, а неправых – аристократам? Кто поднимает народ против своего же цвета нации, способного чему-то научить или что-то предвидеть? Аристократы – дух нации, народ – это тело, как может тело бороться с духом? Вы хотите их разъединить? И что же тогда получится? Вас научили думать, что истину определяет большинство! Это вздор! Глупых всегда больше, чем умных , и в каком-то смысле это даже нормально – ведь

учеников должно быть больше, чем учителей! Истину определяет умнейший! – Тиссаферн злобно усмехнулся. – Демократы! Кого больше, тот и прав! Вот, до чего додумались! Это отличный способ контролировать решение любого вопроса в свою пользу! Ваши враги так и поступают! Зачем содержать войско и идти на вас войной, когда можно достичь своих целей мирным путем – через голосование? И провести те же законы, которые бы они провели в случае военной победы! – Понизив голос, он перешел на ругательства, перемежая их с восклицаниями ужаса и какой-то свирепой радости.-

Вся Эллада заставлена статуями голых людей с глазами из цветных камней! Для чего? Кому это надо? Какая у этого цель? Цель очевидна – равенство! Лишить силы духа народ, приучив глаза к наготы. Пусть каждый считает себя голым – у такого человека легко все отнять! Сначала отнимают стыд, а потом и свободу!

Ты понял, что это - всего лишь способ навязать равенство, которого нет и не может быть не только среди людей, но даже в самой природе? Равенство для того, чтоб превратить вас в стадо овец, а кто возвышается – тех уничтожить! – Под красным балдахинном с золотыми кистями сидя на троне в одежде, вышитой изумрудами, Тиссаферн сам был похож на изваяние, блистая при каждом движении кольцами и серьгами. - Они играют на зависти народа к аристократом! Что ж, нет лекарства от зависти, кроме одного – иерархии, которая держит в узде инстинкты народа! Разве не так? Плохо, все плохо, Алкивиад! А потом через сотни лет скажут, что вы сами того хотели ! Почему с этим все согласились?

- Не все согласились, как видишь.

- Я знаю, ты - лучший из эллинов, потому, что ты готов действовать! Но скажу тебе откровенно : я не люблю твой народ - на все согласный народ ! - Придет время – и мы докажем, что мы не такие, как ты говоришь, и что не все так плохо.

- Дай-то Бог! – С чувством произнес Тиссаферн. - От души желаю! Но твоя роль уже сыграна. Ты ничего не изменишь, оставь это для других. Молва о твоей гибели обошла всю Элладу. Лисандр же долго не протянет и дни его сочтены. Довольно тебе беспокоиться. Доживи свой век здесь в покое и довольстве. Моя дружба тебе в том порукой. И поверь, что это не мало - огонь в очаге, защита, сытость.

- От твоих слов хочется удавиться!

- Нет, у меня для тебя есть хорошая новость. Здесь тебя ожидает эллинка - то ли твоя знакомая, то ли родственница!

- Тимандра.

- Да. Здесь во дворце!

Алкивиад поднялся из-за стола.

- Что , ты уже торопишься? – заметил Тиссаферн. – Приходи вечером, будет пиршество в честь твоего спасения!

Два меча, четыре кинжала, щит без именных знаков , лошадь со всей амуницией – как и все прочее вооружение было ему теперь ни к чему. Убедительные доводы Тиссаферна, а главное – интуитивная уверенность в том, что для него в Элладе все кончено и что состоялся единственный бой, который он проиграл в своей жизни, наделяли его не огорчением , а легкостью и надеждой на что-то новое, лучшее. Как будто он уже умер и воскрес в совсем другом мире – в мире, где его ноги по щиколотку утопают в коврах, где вместо шума атаки он слышит звучание лиры, где утонченная красота окружающих его предметов улаживают его взор. Он вдруг почувствовал как тяжела его ноша – скрытый под плащом целый арсенал оружия, которым он так осмотрительно запасся, покидая Элладу. Стремление все это сбросить и – теперь уже навсегда – также его окрыляло неведомой прежде радостью. Он обратил внимание на красоту узоров и чередование цветов на стенах и коврах дворца, на то, что каждый предмет и светильник были по-своему неповторимы и размещены в строгой симметрии и в согласии с какой-то неведомой ему наукой. Они были различны по форме - то яркие, то тусклые, то вообще еле заметные, и откуда-то из глубины комнат волшебным фонтаном из звуков струилась тихая музыка. Он знал, что увидит сейчас

Тимандру. Ему вспомнились ее слова при прощаньи: «Мне бы хотелось умереть с тобой!» «Вот и сбудется твоя мечта здесь – на чужбине!» - подумал Алкивиад, отвечая улыбкой придворному музыканту, который как

ангел небесный возник у него на пути и кланялся, и
смотрел на него восхищенно.